

А. Н. ЦАМУТАЛИ

НЕИЗДАННАЯ КНИГА И. Г. ПРЫЖОВА «ГРАЖДАНЕ НА РУСИ»

Среди деятелей русского революционного движения 60-х годов XIX в. видное место занимает Иван Гаврилович Прыжов (1827—1885). Он известен не только как участник нечаевской «Народной расправы», но и как автор ряда работ по этнографии,

³ Там же, д. 50 («по вопросу об издании книг, для составления коих само правительство дало материалы или открыло свои архивы»).

фольклору и истории России. Из-за жестокого преследования цензуры далеко не все, написанное Прыжовым, в особенности на темы русской истории, увидело свет. Что же касается работ, которые ему удалось напечатать, то они были выдержаны в духе демократического направления в русской историографии и были встречены читателями с большим интересом. Стремясь, подобно другим историкам-демократам, изучать историю России прежде всего как историю русского народа, Прыжов избрал для своих исторических сочинений темы, связанные с историей народного быта, главным образом ее теневые стороны, «неожиданные» для академической науки того времени: «Нищие на святой Руси»,¹ «26 московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков»,² «История кабаков в России в связи с историей русского народа».³ Изложение историко-бытовых сюжетов Прыжов старался давать в связи с политической историей, описание прошлого он перемежал с рассуждениями о современных ему проблемах, направленными в основном на обличение русского самодержавия. Книги Прыжова, написанные своеобразным, несколько витиеватым, вместе с тем образным и ярким языком, привлекали к себе внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей. Вместе с тем их отличало тщательное и всестороннее изучение материала по исследуемому предмету. Благодаря этому «История кабаков» и в наши дни не только сочинение, интересное с чисто историографической точки зрения, но и не потерявшее своего значения собрание сведений, относящихся к истории питейного дела в России, почерпнутых из разнообразных источников и исследований.

Сравнительно недавно, в 1948 г., был обнаружен считавшийся утраченным архив И. Г. Прыжова, содержащий материалы, позволяющие значительно более полно представить литературную и научную деятельность Прыжова, в частности, в области русской истории.

Из материалов, составляющих хранящийся в ЦГАЛИ фонд И. Г. Прыжова, наибольший интерес представляет его неизданная книга «Граждане на Руси».⁴ Рукопись книги насчитывает 474 листа конторской бумаги, исписанной уборым почерком с обеих сторон. По упоминанию в тексте событий, происходивших

¹ И. Г. Прыжов. Нищие на святой Руси. М., 1862.

² [И. Г. Прыжов]. 26 московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков. М., 1865.

³ И. Г. Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1227, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 1—474 (далее ссылки на указанную единицу хранения даются в тексте). Л. Н. Пушкарев в обзоре фонда Прыжова лишь очень кратко характеризует книгу «Граждане на Руси» (см.: Л. Н. Пушкарев. Рукописный фонд И. Г. Прыжова, считавшийся утерянным. Советская этнография, 1950, № 1, стр. 186).

в 1881 г. (лл. 3 об., 54 об.), и по имеющимся ссылкам на статьи из русских журналов и газет 80-х годов XIX в. (лл. 7 об.—8) можно судить, что Прыжов работал над ней в последние годы своей жизни.

Книга состоит из 13 глав. Уже названия глав позволяют получить представление как о содержании книги, так и о ее идейной направленности.

Глава 1. Русские граждане, их участь. Адмирал Мордвинов.

Глава 2. «Попович» на месте русского гражданина. Дьяки и подьячие Московского царства. «Приказная тварь». Грабеж казны и народа. «Птенцы» гнезда Петрова, Екатерины, Александра I, Николая. Немолчный протест общества и народа.

Глава 3. Всеобщий упадок права и правды. Донос, как государственное учреждение. Тайный советник Катков.

Глава 4. Происхождение «чиновника». Появление мундиров и канцелярий. Борьба Сперанского с поповичами. Полячки и малороссы на службе у России.

Глава 5. Бюрократия. Помпадур. Камарилья. Сыщики и мандарины.

Глава 6. Протесты и проклятия русской литературы. Грибоедов, Гоголь, Салтыков.

Глава 7. Прогулка в дантовский ад. Официальные и психологические чиновники на Руси. Табло русской истории с бенгальским огнем.

Глава 8. История и быт московской гражданской палаты. Первый наезд на «духовные консистории». Общественное и государственное значение чиновника.

Глава 9. Чиновница с загаженным хвостом. Аристократка. Заключение.

Глава 10. Администрация в период реформ. Исправники. Урядники. Чиновники в Сибири. Наша «военщина», плодящая градодержателей и воров.

Глава 11. Земства. Мировые. Судебная реформа.

Глава 12. Сколько грабят ежегодно все чиновники империи?

Глава 13. Повальный грабеж последнего времени. Дележка русской земли. Новые проклятия.

В главе 1 повествуется о горькой доле, постигшей граждан в самодержавной России, которая, по словам Прыжова, была страной, «погрязшей в поголовном рабстве», где само «понятие о гражданине» было «запрещено, загнано и, по всей вероятности, подведено под какой-нибудь пункт уложения о наказаниях» (л. 3 об.). Столь плачевную участь русских граждан Прыжов объяснял существованием самодержавной власти, которая с момента своего возникновения была олицетворением «азиатского деспотизма», «закоренелого татарско-византийского порядка», при котором народ никогда не имел свободы, жил под вечным ярмом, не зная самого слова «гражданин» (л. 2 об.). Невольно

автору приходится вместо истории граждан излагать историю притеснения и постепенного уничтожения граждан в России. Свободные граждане, по его мнению, существовали лишь в Киевской Руси, общественное устройство которой представлялось Прыжову основанным на народных, самобытных началах (л. 4). С перемещением же русского государства на северо-восток начинается тянувшийся до XIX в. непрерывный процесс преследования граждан, приведший к тому, что в России, как замечает Прыжов, не оказалось «ни граждан в частности, ни русского народа вообще, и последний в Своде законов только подразумевается в слове „никто“: „никто не может отговариваться незнанием закона“». Истребив граждан, самодержавное государство плодило обывателей, чуждых каких бы то ни было народных и общественных интересов. «Гражданин, — писал Прыжов, — был изгнан, стерт с лица русской земли, ...стал каким-то бродягой, не знающим отчизны и носящим имя обывателя», кто «пропитал смрадом все, что носило какую-то видимость общественного дела, кто сумел сбездушить все общественные учреждения, кто изъясил из них всякую тень мысли». Правительство же не только уничтожило граждан, но, преследуя и самое слово «гражданин», добилось того, что «гражданская честь была низведена до такого унижения, что слово почетный гражданин стало не именем свободного гражданина, а „чином“, радушно даваемым всякому прохвосту, кулаку, хищнику и отъявленному варвару» (л. 7 об.). Рисуя современную ему Россию как страну, в которой «была власть и больше ничего», где народ не имел настоящего ожечества, Прыжов ополчался против «кощунственной троицы, — „православие, самодержавие, народность“», срывал маску с официального лжепатриотизма и славянофильства, замечая, что они скрывают за собой «эгоизм и хищничество» (лл. 4—4 об.). Бросая взгляд на окружавших его верноподданных обывателей, он восклицал: «Граждан на Руси нет! Так называемые граждане — тигры и пантеры, воры и негодяи...». И, не находя среди них людей, достойных имени граждан, заключал: «Как ни странно будет услышать, лучшим из русских граждан последнего времени по праву мог считаться никто русский, а Гарибальди» (лл. 7 об.—8).

Говоря о том, что глубоко враждебная народу самодержавная власть всячески сковывала его развитие, Прыжов одновременно обращает внимание на то, что несмотря на все притеснения, вопреки им из среды народа вышло немало людей, действительно достойных имени истинно великих граждан. К их числу он относил открыто выступивших против самодержавия декабристов (л. 7), протестовавшего против крепостничества В. Г. Белинского (л. 4), находившего в себе смелость говорить правду царю А. Л. Ордын-Нащокина и отравившегося в ожидании царской немилости талантливого математика XVII в. Романчикова (л. 3 об.), Григория Котошихина и последователя секты «жидов-

ствующих» Ивана Волка Курицына (л. 3), выдвигавшего планы обширных преобразований Н. С. Мордвинова (лл. 11—16).

Прыжов писал, что судьба большинства этих лучших граждан складывалась трагически: их не признавали великими гражданами, а считали врагами существующего порядка (л. 2 об.). Многие из них попали в Сибирь, некоторые были казнены, другим приходилось бежать за границу, скрываться по монастырям или принимать яд (л. 3 об.). Однако само правительство невольно признавало именно их достойными имени граждан, поскольку, как замечает Прыжов, столь попираемое и гонимое слово «гражданин» вспоминалось и произносилось «при казнях политических деятелей, как декабристы, осуждаемых на гражданскую смерть». «Гражданская смерть людей, никогда не считавшихся гражданами, только и виновных в том, что они не хотели быть ничем другим, как гражданами, — восклицал Прыжов, — какой абсурд, какая царяющая дичь!» (л. 7).

Горькая правда о судьбе русских граждан уместилась на страницах главы 1, и уже в главе 2 начинается рассказ о тех, кто занял в России место граждан, и вниманию читателя предлагается, по существу, история российского чиновничества с древнейших времен. В главах 2—4 Прыжов излагает свою теорию происхождения русского чиновника. Рассматривая государство в России как порождение и олицетворение враждебных народу антинациональных начал, он и возникновение чиновничества тесно связывает с принятой им теорией проникновения в Россию византийского, татарского, немецкого и польского влияний. Самыми ранними предшественниками русского чиновника Прыжов считал византийских греков, появившихся на Руси еще в древние времена и благодаря своей грамотности ставших церковнослужителями, переписчиками бумаг и получивших в народе название дячков, дячков, «поповичей». Употребляя по отношению к ним наиболее подходящее по его мнению слово «поповичи», автор представляет их как людей, постепенно составивших своего рода касту не желавших трудиться. Постепенно, «еще при первых шагах русской государственной жизни», дячок становится дячком, т. е. писцом судебных решений, потом настоящим производителем судебных дел, и наконец, полновластным представителем суда светского и духовного (л. 24 об.).

Не получившие, по мнению Прыжова, большой власти в Киевской Руси «поповичи» заметно усиливаются во Владимиро-Суздальском княжестве, где, по принятой автором теории, в результате слияния византийского и татарского элементов зарождается самодержавие (л. 20). В подтверждение своих рассуждений Прыжов ссылается на то, что именно в Северо-Западной Руси народное творчество создает, в противоположность мужественному Илье Муромцу, олицетворявшему народ, образ лукавого и хитрого Алеши Поповича, ничего общего с народом не имевшего (л. 21).

С еще большей неприязнью, собирая различные примеры злоупотреблений, описывает Прыжов администрацию русского централизованного государства, называемого им страной «рабов, упражнявшихся в ябедѣ и клеветѣ, не знавшей ни умственного, ни социального прогресса» (л. 18 об.). Описывая беспорядки и злоупотребления, процветавшие при московских князьях и царях, он обращает внимание на то, что произвол и беззаконие, порожденные самодержавной властью, еще более усугублялись вследствие злоупотреблений, творимых в учреждениях того времени, где из-за неграмотности воевод «и счетоводство и суд были в руках дьяка» (л. 28). Показывая неприглядный облик царской администрации, Прыжов писал, что дьяки, которые с внешней стороны должны были изображать из себя служителей правосудия и справедливости, одновременно были запутаны в паутине злоупотреблений и представляли собою существа, у которых «рядом с грубейшими инстинктами, не имевшими в себе ничего «духовного», уживалось неслыханное лицемерие, целиком перешедшее на подьячих, а потом чиновников из поповичей, якобы оберегателей государства, права и закона и даже нравственности» (л. 24). Описание злоупотреблений подьячих завершается в книге рассуждениями о том, что они, являя собою «детище московского царства», стали «настоящей язвой, безжалостно разъедающей общественную и народную жизнь, и под крылом московских царей, известных своим великим почитанием всего „духовного“, спокойно торгуют казной, как они по-татарски называют свое государство, плодятся неимоверно и завоевывают всю русскую страну, стараясь довести ее до полного придушения, что они усердно продолжают и потом, передевшись в „чиновника“» (л. 28). Излагая события XVI в., Прыжов почти не останавливается на описании личности русских царей. Встречается лишь несколько высказываний об Иване IV, в котором Прыжов видел олицетворение насилия (л. 16 об.).

Также не привлекают внимания Прыжова и личности первых Романовых, он обращает главное внимание на то, что с воцарением этой династии положение народа не улучшилось, беззаконие и произвол еще более усилились, способствуя дальнейшему падению нравов (л. 35 об.).

При рассмотрении реформ первой четверти XVIII в. Прыжов, характеризуя их как значительное событие, как шаг по пути превращения России из азиатского государства в европейское, главное внимание обращает на то, чтобы показать, что положение народа по-прежнему оставалось тяжелым, самодержавная власть еще более усилилась, вследствие чего «пропала и самая тень свободы» (л. 40). Признавая заслугу Петра I в стремлении преобразовать русскую администрацию, Прыжов замечает, что он не в состоянии был положить конец злоупотреблениям, что пороки, присущие приказным XVII в., унаследовали чиновники XVIII в.,

произошло лишь «переодевание» бояр в дворян и приказных в чиновников. В книге говорится о наплыве иностранцев в Россию в XVIII в., причем этому обстоятельству придается большое значение, ему приписывается большое влияние на дальнейшее развитие страны, в частности, на окончательное формирование русской бюрократии (л. 96 об.), которая, по словам Прыжова, была татарского происхождения и немецкого воспитания (л. 161). Злоупотребления приближенных Петра I дополняются в книге описанием разнузданного грабежа русской земли, продолженного елизаветинскими и екатерининскими вельможами (л. 50). Русское чиновничество XIX в. показано наследником огромного числа пороков своих предшественников. В главах 5, 7, 8, 12, 13 приводятся многочисленные примеры беспросветного взяточничества и казнокрадства, процветавших в царствования Александра I, Николая I, Александра II. Прыжов приоткрывает завесу над самыми неприглядными поступками русской администрации, вроде ограбления погибавшей под Севастополем армии (л. 54 об.), произвола, творившегося на окраинах, в Сибири, на Украине, в Польше (л. 72). Прыжов описывает не только служебную деятельность чиновников, но и их быт. Главу 9 он посвящает описанию русской чиновницы, жизнь которой, по его словам, была «крайне паскудна» (л. 328).

Рассматривая в главах 10 и 11 реформы 60-х годов XIX в., Прыжов характеризует их, и прежде всего крестьянскую реформу, как проведенные в интересах дворянства и не улучшившие положение народа, не принесшие ему свободы (л. 341 об.).

Рисую тяжелое положение пореформенной России, по-прежнему обкрадывавшейся чиновными ворами, Прыжов замечал, что к началу 80-х годов она представляла собою государство, оказавшееся «обнищалым, глубоко падшим внутри и вне и чуть не опозоренным» (л. 54 об.).

Прыжов, нарисовавший яркую картину злоупотреблений царской администрации, показавший русское самодержавие злейшим врагом и угнетателем народных масс, касается и того протеста, который встречала грабительная политика всероссийских деспотов. Главу 6 он посвящает тем русским писателям, которые разоблачали злоупотребления русской администрации, называя произведения А. Н. Нахимова, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В книге говорится и о более грозной форме протеста — открытых выступлениях против русского самодержавия, упоминаются волнения времен Алексея Михайловича (л. 67 об.), восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева (л. 40), «прогрессивное движение начала XIX столетия, создавшее 14 декабря» (л. 73).

Книга «Граждане на Руси» представляет собой не только оригинальную попытку изложить историю русского чиновничества,

по мысли Прыжова вытеснившего русских граждан. Она представляет собой сочетание исторического сочинения со страстным обличением самодержавного строя. Поскольку рукопись «Граждан на Руси» не подверглась цензурной правке, антиправительственная направленность книги выступает несравненно более выпукло, чем в изданных книгах Прыжова, изуродованных цензурой. Благодаря этому она позволяет более ярко представить Прыжова-историка. В целом книга «Граждане на Руси» написана Прыжовым в том же духе, что и его работы 60-х годов. Знакомство с ней не только расширяет наше представление о Прыжове как историке, но и позволяет более полно представить демократическое направление в русской историографии XIX в., перу представителей которого принадлежат и работы, имеющие назначение не только рассмотреть ту или иную проблему, но и служить средством прямой антиправительственной пропаганды. По понятным причинам таких книг мало. Примером может служить изданная в обход цензуры книга И. А. Худякова, успешно использовавшаяся народниками в пропагандистских целях. Таким же средством действенной пропаганды могла бы стать и книга Прыжова «Граждане на Руси».
